

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Болиев С.О. Влияние положения малой страны и исторических травм на внешнюю политику Сербии в контексте противостояния России и Запада // Мировая политика. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8671.2025.2.74721 EDN: MNPOLA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74721

Влияние положения малой страны и исторических травм на внешнюю политику Сербии в контексте противостояния России и Запада

Болиев Сергей Олегович

магистр; факультет международных отношений; Санкт-Петербургский государственный университет
Редактор отдела бывший СССР; ООО "Лента.ру"

196628, Россия, г. Санкт-Петербург, Пушкинский р-н, поселок Шушары, тер. Славянка, Колпинское шоссе 34, к.1, кв. 349 Колпинское шоссе

✉ sergey290400@mail.ru

[Статья из рубрики "Региональные конфигурации международных отношений"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2025.2.74721

EDN:

MNPOLA

Дата направления статьи в редакцию:

05-06-2025

Дата публикации:

28-06-2025

Аннотация: Предметом исследования настоящей статьи является внешняя политика Сербии как малой страны в отношении России и Запада в период их противостояния с 2022 года. Объектом же исследования является Республика Сербия. Автор фокусирует свое внимание на анализе поведения Белграда через концепцию "малой страны" (small state) и через особенности исторического развития республики. При анализе факторов малой страны отдельное внимание уделяется их внешнеполитическим стратегиям, которые выделили исследователи XX-ого века и которые Белград применяет сейчас. При выявлении факторов исторического развития политического руководства в Белграде в сравнительной перспективе фокус исследования направлен на периоды внешней Югославии при Й. Броз Тито и противоположный курс при С. Милошевиче. Все эти

факторы суммируются и объясняют выбранную Сербией стратегию внешней политики балансирования между двумя крупными игроками. В исследовании применяется социальный конструктивизм, позволяющий проанализировать, как исторически сложившаяся идентичность Сербии (нейтралитет Тито, изоляционизм Милошевича) влияет на ее современный внешнеполитический курс. Неореалистский подход используется для оценки системных ограничений, с которыми сталкивается Белград, будучи малой страной. Контент-анализ официальных документов позволяет проанализировать заявления сербских властей и медиадискурса в заданный период. Новизна настоящего исследования заключается в анализе внутривнутриполитических факторов Республики Сербия в контексте ее внешнеполитической стратегии в период с 2022 года. Новым представляется также анализ внешней политики Сербии сквозь призму теорий малых стран. В отечественной научной литературе исследования сконцентрированы лишь на двусторонних отношениях Москвы и Белграда. В настоящей работе же происходит изучение факторов, которые побуждают руководство Сербии вести отношения как с Россией, так и с Западом. Автор приходит к выводу, что внешняя политика Сербии сохраняет стратегическую осторожность и балансирование между великими державами по причине исторического опыта (негативными последствиями изоляции 1990-х гг. при Милошевиче и поражения в югославских войнах, с одной стороны и нейтралитет Тито и рост экономики Югославии с другой) до той поры, пока внутренние и внешние обстоятельства не вынудят Белград сделать выбор в пользу одной из великих держав.

Ключевые слова:

Сербия, Малая страна, А. Вучич, Россия, Белград, Украина, Косово, Европейский союз, ЕС, НАТО

В контексте украинского кризиса в узком смысле и противоборства по вопросам устройства современного мира на международной арене между Россией и Западом в широком [\[13\]](#), необходимо понимать направления внешней политики тех стран, которые не занимают однозначной позиции по отношению к более крупным игрокам в условиях продолжающейся конфронтации между ними. Речь идет о малых государствах (small states), чье поведение активно изучается в политической науке с XX века. Они не сопоставимы с большими государствами по степени влияния на международной арене, что является одной из их ключевых особенностей.

Сербия, будучи одним из ведущих игроков в Балканском регионе, извлекает выгоду из взаимодействия с великими державами, сохраняя нейтралитет и балансируя между интересами стран Запада и Востока. С одной стороны, это Россия и Китай, с другой страны Европейского союза (ЕС) и США. При этом отношения с Москвой и Пекином у Белграда проходят по отдельным трекам дипломатии. Сербия получает обширные инвестиции в свою экономику из Китая, превзойдя по объему российские инвестиции. Москва для Белграда остается партнером в торгово-экономической сфере (сохраняется ограниченное сотрудничество по линии ЕАЭС) (Free trade agreement between the Eurasian economic union and its member states, of the one part, and the republic of Serbia, of the other part [Digital source] URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/56c/Agreement.pdf>) и спецслужб (Ruske službe upozorile predsednika Srbije o državnom udaru [Digital source] URL: <https://www.novosti.rs/vesti/politika/1397688/vucic-potvrdio-ruske-sluzbe-upozorile->

predsednika-srbije-drzavnom-udaru).

Политика Сербии в условиях современного противостояния России и Запада, актуализированного украинским кризисом, представляет собой case-study поведения нейтрального государства в условиях конфликта великих держав. Анализ данной стратегии позволяет выявить системные детерминанты политики неприсоединения малых стран в условиях глобальной конфронтации больших акторов. Как малая страна с большим набором социально-культурных проблем, Сербия демонстрирует свою особую позицию в отношении великих держав. В свете современных международных процессов, малые государства становятся важным объектом исследований. Анализ уникального случая Сербии в контексте глобального противостояния и теории развития малых стран в эпоху турбулентности предоставляет возможность применить теорию к актуальным событиям, что усиливает понимание ее внешнеполитических стратегий.

Следовательно, целью настоящего исследования является выявление влияния фактора "малой страны" у Сербии на ее внешнюю политику в контексте противостояния России и Запада во время обострения украинского кризиса т.е. с 2022 года.

Для достижения заданной цели были выделены следующие задачи:

- 1) Определить теоретические аспекты "малой страны" в контексте Сербии;
- 2) Выявить основные факторы, формирующие контекст внешней политики Республики Сербии до 2022 года;
- 3) Проанализировать внешнеполитический курс Белграда в период новой волны украинского кризиса (с 2022 года по настоящее время);
- 4) Выработать возможные решения, к которым придет руководство в Сербии в контексте своей внешней политики в отношении украинского кризиса.

Предметом исследования настоящей статьи являются способы выстраивания внешней политики Сербии как малого государства в условиях противостояния великих держав (России и Запада) с 2022 года. Объектом же исследования является Республика Сербия. Автор фокусирует свое внимание на анализе поведения этого государства через концепцию "малой страны" и через особенности ее исторического развития.

В качестве методов исследования при написании работы были применены следующие подходы: контент-анализ (количественный и качественный), интертекстуальный анализ, ивент-анализ, метод экстраполяции и метод анализа решений (децизионный метод). Так, например контент-анализ новостных материалов, официальных заявлений и нормативно-правовых актов позволяет выявить ключевые нарративы сербских властей и медийного дискурса в 2022–2025 гг. Ивент-анализ способствует анализу решений руководства Сербии во внешнеполитической сфере с 2022 года. Для предсказания дальнейших действий руководства Сербии в контексте украинского кризиса и противостояния Москвы и западных стран используется метод экстраполяции. Децизионный метод позволяет определить ключевых акторов, влияющих на внешнеполитические решения Сербии.

Методология исследования опирается на использование парадигмы социального конструктивизма. Как отмечает А. Вендт, идентичность и интересы государства формируются в ходе исторических процессов и определяют его поведение в международных отношениях [\[30\]](#). Так, социальное взаимодействие индивидов создает общие интересы и идентичность, которые выделяют субъектность и интерсубъективность как результат общественных соглашений на разных уровнях – внутри государства и на

международной арене [30]. Благодаря этому происходит формирования норм и правил, которое влияет на формирование и развитие идентичности наций и, как следствие, государств [24]. Американский политолог-конструктивист П. Катценштейн подчеркивает влияние антиамериканизма (продукта глобальной культуры) на формирование коллективной идентичности в традиционных обществах [21]. В данном контексте Сербия является страной с доминирующей православной культурой и устойчивыми традиционными ценностями. Ключевым катализатором антиамериканских настроений в сербском обществе стало наследие военной операции НАТО 1999 года, которая воспринимается как акт внешней агрессии и нарушение национального суверенитета. Этот исторический опыт способствовал консолидации антизападного нарратива в публичном дискурсе, что отличает Сербию от других пост-югославских государств, где идентичность формируется под влиянием иных факторов (например, конфессионального плюрализма в Боснии и Герцеговине или европейского интеграционного вектора в Хорватии и Черногории).

Представители неолиберального подхода Р. Кеохейн и Дж. Най в своей концепции комплексной взаимозависимости выделяют множественность общественных повесток внутри государства, способных выдвигаться на первый план в зависимости от конкретных обстоятельств. Это, как отмечают исследователи, приводит к размыванию традиционных границ между внутренней и внешней политикой, а сама международная система характеризуется возрастающей взаимозависимостью акторов на разных уровнях [22].

С позиций неореализма детерминанты международного положения государств коренятся в структурных особенностях международной системы, которые, в свою очередь, обусловлены динамикой отношений между великими державами. При этом малые и средние государства не способны существенно влиять на формирование данной структуры, оставаясь зависимыми от решений, принимаемых наиболее влиятельными акторами [18]. Так, Сербия вынуждена не продвигать видение собственной политики, из-за противостояния России и Запада, параллельно преодолевая свои исторические травмы внутри общества.

В данной работе предпринимается попытка рассмотреть действия малой страны – Сербии – в условиях геополитического противостояния России и западных стран в 2020-е годы с акцентом на влияние внутривнутриполитических и культурных факторов. Научная новизна работы заключается в определении системообразующих детерминант сербской внешней политики через исследование решений президента А. Вучича в 2024-2025 гг. в контексте отношений с Москвой и западными странами, учитывая роль исторической памяти и социокультурных конструктов республики.

Теоретические аспекты изучения малых стран в контексте великих держав.

Малая страна в структуре МО занимает периферийную позицию в системном противостоянии [18] влиятельных акторов. К.К. Худoley вводит понятие “прохладной войны” – конфликта, в котором стороны конкурируют за влияние преимущественно невоенными средствами [13]. Для понимания примера Сербии в этой структуре необходимо выделить основные определения из основополагающих работ по проблематике “малых стран”. Так, например американская исследователь-международник А. Бейкер Фокс выделяла феномен малых стран в конфликтной среде глобального мира [16]; британский исследователь Д. Вайтел – стратегии малых стран на

международной арене [29]; а немецкий социолог М. Вебер же вне контекста малых стран объяснял идеологии и поведения стран [20], что подходящим образом проецируется и на малые страны в том числе, в особенности на Сербию из-за ее обширного историко-культурного фона.

Так, Бейкер-Фокс исследовала феномен малых стран в условиях глобального конфликта, взяв за пример Вторую мировую войну. Она акцентировала свое внимание не на форме конфликта, а на самом факте противостояния крупных держав и на положении в нем малых государств, которые невольно становятся сферами влияния. Несмотря на ограниченные ресурсы, малые страны могут влиять на международную политику через гибкую дипломатию, извлекая выгоды из сложившейся ситуации, отмечает автор. Бейкер-Фокс подчеркивала, что такая стратегия обеспечивает их адаптивность и устойчивость, а дипломатическое мастерство руководства играет ключевую роль в их геостратегическом позиционировании [16].

В свою очередь, Вайтел подробно описал, какие бывают стратегии у малых стран в контексте их уязвимости перед великими державами. Так, он выделил у них три модели выстраивания своего курса внешних отношений: оборонительная стратегия, направленная на сохранение статус-кво через различные неагрессивные действия; стратегия отказа; и активная стратегия, которая ставит своей задачей изменение внешней среды в свою пользу [29]. В контексте Сербии в настоящий момент стоит отметить, что ее стратегия более похожа на первый вариант. Именно стремление сохранить статус-кво между двух сторон глобального противостояния выделяет ее из ряда других европейских стран, особенно в постсоциалистическом пространстве.

Политическая культура и идеология, согласно Веберу, отражает стремления акторов в стране к достижению некой конкретной цели. Вебер рассматривал политическую этику как важный элемент культуры. Он выделял два типа установок у участников политических процессов. Первый отличается стремлением к реализации определённой цели или идеала, независимо от препятствий. Эту форму политической этики учёный назвал «этикой убеждения» – культурой, основанной на идеологии. Вторая парадигма – это «этика ответственности», то есть форма культуры, предполагающая рациональный подход к политической деятельности, учёт последствий и правовых норм [20]. В контексте Сербии таковой целью является обретение независимости на международной арене, что соответствует духу коллективной памяти территории Сербии во времена Тито и Милошевича.

В контексте Сербии в рамках настоящего исследования и внутривнутриполитических аспектов следует выделить: дипломатические способности правящей элиты малых стран с великими державами, которые определяют их степень нейтралитета в глобальном конфликте (Бейкер-Фокс) [16]; политическая культура и идеология стремления акторов в стране к достижению некой конкретной цели (Вебер) [20]. **Из внешнеполитических аспектов** – стремление малых стран к нейтралитету; проблема сохранения нейтралитета в войне, которую, по мнению Бейкер Фокс, крупные державы использовали для привлечения малых стран на свою сторону [16]; стремление малых стран сохранить статус-кво в международных отношениях, согласно Вайтелу [29].

Следует отметить, что количественные признаки более очевидны, если сравнивать отдельно Сербию с США и Россией или даже США вместе с ЕС и Россией. Поэтому на них заострять внимание в данном исследовании не имеет особого смысла из-за отсутствия

консенсуса по этому поводу в научной среде [8].

Также следует выделить аспект безопасности малых стран в XXI-м веке. В условиях пост-биполярного миропорядка характер угроз претерпел значительную трансформацию, приобретая комплексный и полицентричный характер. На смену биполярной конфронтации с характерным блоковым противостоянием пришли разнородные угрозы. К ним относятся: международный терроризм, киберугрозы и иные формы транснациональных угроз и вызовов. В данном контексте малые государства, вопреки прежним стратегиям самоизоляции, демонстрируют тенденцию к адаптации через вовлечение в механизмы коллективной безопасности. Как отмечает шведский исследователь-конструктивист К. Агиус, формальное сохранение статуса нейтралитета не исключает практического участия в различных локальных под эгидой ЕС или НАТО [15]. Так, в 2011 году Сербия подала запрос на индивидуальный план действий партнерства НАТО, который вскоре был одобрен. Он включает в себя участие Сербии и НАТО в совместных военных маневрах и учениях по гражданской обороне (Relations with Serbia [Электронный ресурс] // NATO. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_50100.htm). То есть, нейтралитет переосмысливается как отказ от членства в военных альянсах при одновременном акценте на гибкие форматы многостороннего сотрудничества. Это подразумевает многовекторность и прагматизм в обеспечении национальной безопасности для противостояния разнородным вызовам XXI-го века и, как следствие, участие в работе военных блоков в ограниченном формате.

Таким образом, малые страны в международных отношениях занимают подчинённое положение, балансируя между интересами великих держав. В настоящее время они существуют в условиях системного противостояния, которое заключается в борьбе за собственное видение миропорядка. В случае малых стран одну из ключевых ролей играет их внутренняя идеология, которая строится на их историческом опыте и культурных ценностях. В том числе и на этом базируется их внешняя политика. В Сербии, к тому же, это обусловлено пестрым набором исторических событий и "исторических травм".

Исторический и мнемонический контекст внешней политики Сербии.

Выстраивание внешнеполитической стратегии малой страны – Сербии – по треку, направленном на сохранение статус-кво в отношении как Запада, так и Востока обусловлена комплексом исторических факторов.

Во-первых, опыт нейтралитета Югославии – исторической предшественницы Сербии. На протяжении всего периода ее существования единственный лидер страны Иосип Броз Тито использовал стратегию нейтралитета из-за раскола с Москвой в 1950-е (отказ от вступления в военный блок – Организацию Варшавского Договора), а также из-за личной убежденности в идеях социализма, которые не позволяли ему полностью интегрироваться в НАТО и ЕС [23]. Он не стремился к распространению своего видения идеологии социализма на соседние государства из-за ограниченности ресурсов в сравнении с СССР. Поэтому его интерес заключался в развитии контактов с третьими странами, что привело к созданию Движения неприсоединения в 1961 году и последующему укреплению статуса Югославии как "средней державы" [8] и внеблокового государства. Современная Сербия также старается придерживаться той же модели нейтралитета в нынешней "прохладной войне" [13] между Россией и Западом. Однако причины внеблоковой политики у современных властей в Белграде сейчас иные.

Кроме того, статус малой страны не позволяет создавать Сербии такие же межконтинентальные политические союзы, как это делала Югославия, будучи средней державой.

Во-вторых, опыт однозначной антизападной внешней политики Слободана Милошевича в 1990-е годы, которая стала следствием серии войн властей Югославии (де-факто Сербии) с Хорватией, Словенией и Боснией, что привело к сокрушительному поражению властей в Белграде, интервенции НАТО и обретению коллективной антизападной травмы в памяти сербского общества. Надо понимать, что тогда Сербия была представлена союзом Сербии и Черногории в рамках т.н. "малой Югославии". Однако бомбардировки НАТО в 1999 году не затронули Черногорию в той степени, в которой они коснулись Сербию. Это позволило Подгорице без особых проблем вступить в НАТО в 2017 году, предварительно и обоюдно выйти из состава союза с Сербией в 2006 году. Военная операция НАТО и последующее принуждение С. Милошевича к принятию условий альянса по вопросу Косово в 1999 году нанесли куда большую травму сербскому нарративу о Великой Сербии (антизападничество, монолитное сербское население на территории большей части бывшей Югославии), нежели Черногорию. Несмотря на близость и идентичность двух народов в языковом и культурном аспектах, вышеназванные факторы являются их отличительными особенностями.

В-третьих, проблема Косово существенно влияет на принятие решений в Белграде. Провозглашение на юго-западе Сербии независимости Республики Косово в 2008 году и его признание большинством стран ЕС и НАТО создали прецедент формирования государства с поддержкой большинства стран западной системы МО. Это, в свою очередь, повлияло на выстраивание ее собственной внешней политики с того момента. Сербия тогда не до конца оправилась от поражения в серии войн периода распада Югославии, прежде всего, экономически. Белград не мог бы ввести войска в Косово из-за возможного прямого боестолкновения с блоком НАТО, чьи войска располагались в регионе после окончания конфликта в июне 1999 года. В случае развития подобного сценария, Белград мог бы также лишиться финансовой помощи от ЕС, куда Сербия стремилась с 2000-го года. Поэтому Сербия начала вести дипломатический диалог, который предусматривал шаги к постепенному признанию независимости Республики Косово Сербией де-факто и де-юре [\[12\]](#).

Отдельно следует остановиться на Косовской проблеме с точки зрения идеологии, которая формирует, во многом, историческую память в Сербии и объясняет важность этого аспекта внутри республики [\[10\]](#). Одним из простых способов объяснения комплексности этой проблемы является глорификации Косово и мифа о Видов дане (Видов день). Российский политолог Ефременко Д. В. связывает символическую сакрализацию прошлого, выраженную через миф об основании того или иного государства, с отправной точкой исторического пути этого самого государства или этноса [\[19\]](#). Каноническое оформление мифа о Косово как национального нарратива произошло в результате публикации собрания сербских народных песен Вуком Караджичем в начале XIX века т.е. в период формирования и консолидации сербской политической нации [\[4\]](#). В случае сербской истории основополагающий миф связан с ключевым историческим событием - битвой на Косовом поле, произошедшей 28 июня (15 июня по юлианскому календарю) 1389 года, что совпало с праздником святого Видовдана. Существует легенда о святом Вите, которого умертвили римляне за свою веру в христианство.

Использование мифа о Видовдане в политических целях укоренилось уже давно. С 1889

года в независимом Королевстве Сербия ежегодно отмечается битва на Косовом поле. Сербская православная церковь также начала отмечать сербских участников битвы в Видовдан (рус. Видов день) с 1892 года. Этот праздник был инструментом призыва к стойкости и моральному сопротивлению в различных исторических ситуациях, будь то временные крахи государственности или национальные триумфы. Особенно этот миф придает смысл важным для Сербии историческим событиям, происходящим в этот день. Например, убийство эрцгерцога Фердинанда в Сараево сербским националистом Г. Принципом (1914), принятие конституции Королевства сербов, хорватов и словенцев (1921), выдача С. Милошевича Гаагскому трибуналу (2001) [19]. Собственно, после смерти И. Тито и с последующим обострением конфликта между албанцами и сербами в Косово и Метохии в 1980-е, С. Милошевич в своих речах перед сербскими жителями Косово (которые чувствовали себя притесненными) не раз обращался к сюжетам Косовской битвы, что также добавляет символизма в перечисленные ранее аспекты [19]. В тот же период, как отмечал политолог Е. Колосков, произошел пик исследования Косовского мифа среди сербской академической среды. Однако с началом боевых действий в 1990-е эта проблематика стала изучаться намного реже исследователями Сербии [5].

Таким образом, Косовская проблема представляет собой ключевой элемент национальной идентичности Сербии как малого государства. Разрешение кризиса в Косово приобрело затяжной характер в силу указанных факторов, которые обладают высокой степенью значимости как для сербского общества, так и для политического руководства страны, приобретая характер экзистенциально-сакральных ценностей. Кроме того, потеря контроля Белграда над Косово является одним из главных в череде поражений сербского национализма. После окончания периода власти С. Милошевича и, в особенности, провозглашения независимости Республики Косово в 2008 года, начала происходить постепенная трансформация данной идеологии из воинственной в дискурс разочарованного национализма. В свою очередь, политическая элита Сербии неоднократно акцентирует внимание на унижительных, по ее оценкам, условиях интеграции страны в Европейский союз, что свидетельствует о глубинной проблеме утраты доверия к европейским институтам [21]. Это подтверждают и данные соцопросов населения Сербии, в особенности после 2022 года (Истраживања јавног мњења. Србија, март 2025. (I) // URL: <http://www.nspm.rs/istrazivanje-javnog-mnjenja/srbija-mart-2025.-i.html>).

Проблема Косово также создавала необходимость в многовекторном сотрудничестве со странами, не входящими в орбиту конфликтующих систем. Например, Сербия активно реализует сотрудничество с Азербайджаном в энергетической сфере и по ряду других вопросов. Эта кавказская республика до недавнего времени имела схожую проблему территориальной целостности из-за проблемы Нагорного Карабаха, о чем представители Баку и Белграда не раз говорили, как об основе отношений между странами (Intensifying strategic cooperation with Azerbaijan // Government of Serbia. – Belgrade, 23 December 2024. – URL: <https://www.srbija.gov.rs/vest/en/240142/intensifying-strategic-cooperation-with-azerbaijan.php>). Так, согласно Д. Вайтелу, малая страна Сербия реализует свою стратегию сохранения статус-кво через дипломатические каналы, демонстрируя свою позицию по Косово миру [29].

Следовательно, после провозглашения на территории Сербии в одностороннем порядке независимости другого, частично-признанного государства, для Белграда приоритетнее было сохранить статус-кво из-за ограниченного количества ресурсов и влияния, которое

было утрачено после поражения в серии войн распада Югославии и последующего экономического кризиса. Косовский фактор для Белграда является чувствительным как политически, так и в контексте политики памяти. Косово символизирует борьбу за независимость внутри общества Сербии и формирует сербскую идентичность, основанную на православной культуре (противопоставляя себя захватчикам другой религии, согласно сюжету битвы на Косовом поле). То есть, на международном уровне это вопрос территориальной целостности, а на внутриполитическом — проблема памяти, влияющая на внешнеполитический вектор страны. Сербское политическое руководство осознавало, что диаметрально противоположные заявления представителей Запада и России в отношении Косово ставили Сербию в центр конфликта интересов этих двух крупных сил на международной арене. В таком случае, согласно теории малых стран, необходимо демонстрировать приверженность нейтралитету во избежание эскалации конфликта двух акторов системы МО. Поэтому Сербия не разрывала дипломатические связи с теми, кто признал Косово, как это делал, например, Китай в отношении государств, которые признали Тайвань из-за своего зависимого и уязвимого положения на международной арене. Это бы означало поддержку Москвы и возможное повторение периода изоляционизма, как это было при С. Милошевиче в 1990-е. Белград же начал выстраивать стратегию сохранения статус-кво под давлением фактора Косово, как наиболее выгодную для себя. Косовский фактор, согласно Д. Вайтелу, является признаком стратегии отказа Сербией от видения странами Запада политической ситуации в регионе [\[29\]](#).

Еще одним аспектом внешней политики Сербии является так называемый фактор внешнего ориентира, присущий многим странам бывшей Югославии. На нем, в том числе, строятся отношения России и Сербии на протяжении всего их периода. Он заключается в том, что сербы, хорваты и босняки являются представителями одной лингвистической группы. Сербохорватский язык является прообразом для современных сербского, хорватского, боснийского и черногорского, и люди понимают друг друга без переводчиков [\[3\]](#). Во время эволюции их идентичности на протяжении всей истории, их отличительными признаками являлись лишь культурные и религиозные аспекты [\[26\]](#) [\[28\]](#), которые имели свои внешние ориентиры:

- у Хорватии это католическая Австрия и наследие австро-венгерской империи Габсбургов;
- у Боснии это мусульманская Турция и наследие Османской империи;
- у Сербов это православная Россия и наследие Российской Империи.

Исследователь ИМЭМО РАН Понамарева А. объясняла этот феномен тем, что пространство бывшей Югославии имеет крайнюю высокую степень отличия мнемонического обмена. Поэтому исторические нарративы бывших сограждан, а ныне соседей противоречат друг другу [\[9\]](#). Причиной этого являются и т.н. "Укорененные ориентализмы", суть которых заключается в создании определенного места (укоренения) памяти из нарративов и предрассудков в отношении своих бывших сограждан в виду исторических обстоятельств и этнокультурных различий [\[17\]](#). Такие радикальные противоречия возникли из-за полной идентичности этих народов в лингвистическом аспекте.

Стоит заметить, что Россия никогда не устанавливала прямой контроль над Сербией, а лишь сохраняла культурное влияние. Однако в эпоху Османской империи часть

южнославянских поселений крестьян сохраняли православие в качестве основной религии. Для них мусульмане-османы были чужеродными и отрекшимися бывшими согражданами. Однако некоторая их часть приняла ислам в виду политики Османской империи в этих местах, что привело к возникновению новой идентичности – босняков и, параллельно, к сохранению внешнего ориентира в лице России у сербов. Ориентация на Москву также закрепились с обретением независимости Сербии после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Так, образы русского солдата того конфликта изучаются научным сообществом, в том числе и влияние этого фактора на культурно-исторические отношения Москвы и Белграда [\[1\]](#).

Сейчас же это вылилось в то, что Сербия в силу этих исторических особенностей является культурным союзником России в Европе [\[11\]](#). Однако эта малая страна, тем не менее, окружена такими же моноэтническими государствами (за исключением Боснии и Герцеговины), которые не разделяют исторический нарратив о тесной и вечной дружбе с Москвой. Для них (в частности, для пост-югославских Хорватии, Македонии и Черногории) интеграция в более ближние (с географической точки зрения) европейское и североатлантическое объединения не является такой же проблемой, как для Сербии, в силу вышеназванных факторов и событий. Тесные отношения с Россией, как отмечали М. Лобанов и Е. Звезданович-Лобанова могли бы помочь Москве через Сербию реализовывать свои интересы внутри региона через т.н. стратегию "тройной коней" [\[6\]](#).

Со всеми вышеперечисленными обстоятельствами А. Вучич начал период своего президентства в 2017 году. На глобальном уровне он, продекларировав четкий курс на интеграцию в Европу, параллельно отказался от введения санкций против Москвы в период продолжения напряженности между Россией и Западом [\[7\]](#). На национальном уровне Вучич начал проводить политику, как описывали ее Д. Ефременко и Д. Растегаев, балансирования между символической значимостью Косовского мифа и необходимостью признания актуальных геополитических реалий [\[4\]](#). Через анализ теории малых стран это выражается в стремлении сохранить статус-кво и получению из этого максимум возможных выгод [\[29\]](#).

Официальный Белград полностью не отрекся от связей со своим главным союзником за пределами Балканского региона, сохранив личные контакты между представителями Москвы и Белграда. Этому, во многом, способствовал фактор способности ведения успешных дипломатических отношений малыми странами, о котором писала А. Бейкер-Фокс. На примере России и Сербии накануне и после 24 февраля 2022 года, во время встреч с президентом России Путиным, Вучич не раз общался с ним на русском языке (Путин отметил развитие отношений России и Сербии // РИА Новости. – 2017. – 19 декабря. – URL: <https://ria.ru/20171219/1511274856.html>), владея им свободно. В 2025 году, уже после начала СВО сербский президент во время посещения парада Победы 9 Мая в Москве также общался со своим российским коллегой без помощи переводчиков, в отличие от других зарубежных лидеров не из стран постсоветского пространства. Президент Сербии также хорошо владеет и английским, общаясь с западными лидерами и на нем. То есть, дипломатическое мастерство руководства, как отмечала Бейкер-Фокс, играет ключевую роль в геостратегическом позиционировании малой страны. Белград показывает, что способен к самостоятельному диалогу как с Западом, так и с Россией и Китаем. В глобальном смысле, это демонстрирует навык политического руководства Сербии к ведению многовекторной дипломатии.

Таким образом, внешняя политика Сербии к 2022 году имела следующие особенности:

1) Опыт Югославии давал для политического руководства Сербии некую "путеводную звезду" с точки зрения полного несоответствия внешней политики великих держав в условиях их "холодного" противостояния.

2) Опыт Милошевича был анти-примером для нынешнего официального Белграда, потому что агрессивный национализм и вытекающий из этого изоляционизм в итоге запомнился поражением в серии Югославских войн в конце 1990-х годов, которая также во многом вызвала историческую травму действий НАТО на территории современной Сербии.

3) Исторические связи с Россией являются альтернативной отношений с ЕС для Белграда во второй половине 2010-х годов с обострением отношений между Россией и Западом. Культурная общность и Косовский фактор являются двумя аспектами на чаше весов внешней политики Белграда в пользу Москвы. Однако на другой ее стороне – необходимость интегрироваться в ЕС по экономическим соображениям.

Выстраивание внешней политики Сербии в отношении великих держав в контексте украинского кризиса и противостояния Москвы с Западом.

С 2022 года, с момента начала Специальной военной операции (СВО) Сербия начала углублять свою политику нейтралитета в попытках сохранить прежний статус-кво во в новых внешнеполитических обстоятельствах. В период с 24 февраля 2022 года по настоящее время, власти Сербии под руководством А. Вучича учитывали два ключевых фактора: стратегические интересы малого государства и особенности исторической памяти общества. Все это привело к изложению политическим руководством страны конкретных шагов в отношении украинского кризиса в заключении Совета национальной безопасности Республики Сербии № 1-10/2022 от 25 февраля 2022 (Conclusion of the National Security Council of the Republic of Serbia number 1-10/2022 from 25 February 2022 U R L : <https://www.predsednik.rs/en/press-center/press-releases/conclusion-of-the-national-security-council-of-the-republic-of-serbia-number-1-102022-from-25-february-2022>). Среди них: отсутствие прямого осуждения действий Российской Федерации; параллельная поддержка "территориальной целостности Украины"; "необходимость возможного введения ограничительных мер или санкций против какой-либо страны, включая Российскую Федерацию"; введение санкций против "какой-либо страны" на момент 2022 года не отвечает "жизненно важным политическим и экономическим интересам Сербии"; ссылка на военный нейтралитет республики.

Принятие данного документа стало отражением стратегического курса Белграда в период, когда абсолютное большинство государств Европы, включая страны бывшей Югославии, демонстрировали однозначную ориентацию на проевропейский и прозападный внешнеполитический вектор. Политика Сербии в условиях международной нестабильности свидетельствует о поиске сложного баланса между курсом на интеграцию в Европейский союз и сохранением традиционных связей с Российской Федерацией. Кроме того, анализируемый документ может рассматриваться как закономерный этап эволюции внешнеполитического курса Сербии после краха власти С. Милошевича в 2000-м году.

Белград воздержался от прямого осуждения действий Москвы после 2022 года в силу ряда факторов, среди которых ключевую роль играют экономические соображения. Открытая критика российской политики и присоединение к санкционному режиму повлекли бы за собой сокращение двустороннего сотрудничества, что могло бы оказать значительное негативное воздействие на сербскую экономику. Экономическая целесообразность этого подхода подтверждается данными: Россия занимает 6-е место в сербском импорте с долей 4,2% (UN Comtrade. URL: <https://comtrade.un.org/labs/data->

explorer/). Для малого зависимого государства разрыв таких связей был бы экономически не оправдан. Особую значимость в данном контексте приобретает вопрос обеспечения энергетической безопасности Сербии, в частности, поставок природного газа из Российской Федерации. Две трети этого топлива республика получает от Москвы (Serbia Is in Talks to Extend Russian Gas Deal Beyond March URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-12-06/serbia-in-talks-to-extend-russian-natural-gas-deal-beyond-march>). Вместе с тем, автор не исключает возможности присоединения Белграда к санкционному режиму против Москвы в перспективе. На текущем этапе Сербия потенциально обладает временным запасом для минимизации сопутствующих рисков посредством диверсификации внешнеторговых связей, в первую очередь – в сфере поставок сырьевых товаров (в частности, за счет наращивания сотрудничества с Азербайджаном). Однако в 2022 году сербские власти воздержались от подобного шага в силу двух ключевых факторов: сохранения особого дипломатического диалога с Россией и недостаточности внутренних резервов для компенсации вероятных экономических потерь в случае введения ограничительных мер.

Углубление конфронтации между Российской Федерацией и западными странами создало для Белграда ситуацию структурного вынуждения, требующую пересмотра прежней стратегии балансирования и перехода к определенным действиям, в особенности на фоне процесса евроинтеграции Сербии. Нейтральный статус-кво во внешней политике Белграда преобладал до второй половины 2024 года. В октябре того года А. Вучич на встрече в рамках формата "Украина — Юго-Восточная Европа" в Хорватии с лидерами ЕС и Украины подписал декларацию, осуждающую действия России на Украине. Поправки, внесённые президентом А. Вучичем в декларацию о коллективном осуждении действий России западными странами, демонстрируют сохранение Сербией элементов самостоятельной внешнеполитической линии. Несмотря на формальное подписание документа, сербский лидер добился существенной корректировки ряда положений, где Белград идет вопреки позиции ЕС и НАТО. Речь о вопросе санкций в отношении РФ (Вучич внес поправки в декларацию по поддержке Украины // РИА Новости. – 2024. – URL: <https://ria.ru/20241010/ukraina-1977419225.html>). То есть Вучич от лица руководства Сербии идет на контакт с западными странами, при этом, прямо не соглашаясь с ними в вопросе Косово и в принуждении к санкциям против Российской Федерации. Это действие является логичным документом о внешней политике от 25 февраля 2022 года: отказ от введения санкций против России и поддержка Украины из-за "вопроса территориальной целостности". Причины этого заключаются в следующем: Косовский вопрос, который имеет значение как в отношении России, так и Украины; исторические связи с Москвой; тесные торговые отношения с РФ; опыт существования Сербии в условиях санкций в 1990-е.

Аналогичный пример с подобной системой издержек и противовесов во внешней политике Сербии произошел во время визита А. Вучича в Москву на ранее упомянутое празднование 80-летия Победы в Москве. Данный эпизод демонстрирует намерение президента Сербии разыграть карту нарратива об общем вкладе Сербии и России в победу во Второй Мировой войне, которая является еще одним общим нарративом в отношениях между Москвой и Белградом [25]. Визит в очередной раз продемонстрировал публичный отказ Белграда от разрыва связей с Москвой. Однако последствия вояжа Вучича в российскую столицу показали и то, что Сербия не отказывается от продолжения интеграции в ЕС. Так, А. Вучич четко продекларировал курс в Европу через пару дней после визита и намерение открыть кластер номер 3, который подразумевает ряд реформ в законодательстве Сербии (Vučić sa Koštom u Beogradu: Srbiji mjesto u EU, ali... [Электронный ресурс] // Glas Srpske. – URL:

<https://www.glassrpske.com/lat/novosti/srbija/vucic-sa-kostom-u-beogradu-srbiji-mjesto-u-eu-ali/578720>).

Кроме того, в июне 2025 года состоялся визит Вучича в украинский город Одесса, где прошла встреча в аналогичном формате “Украина – Юго-Восточная Европа”. Как отмечали СМИ, это первый визит главы сербского государства на территорию Украины за последние 12 лет. Однако в этом случае примечательным является не столько факт самого визита Вучича, а скорее реакция Москвы. Так, официальный представитель МИД России Мария Захарова заявила следующее: “Те, кто говорит о желании развивать отношения с Россией и строить диалог с ней, должны прежде всего задать себе вопрос: на стороне ли они истины или неонацизма?” (Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой по текущим вопросам внешней политики, 11 июня 2025 г. [Видеозапись] // Rutube. – URL: <https://rutube.ru/video/69fa489378931dbdc8a527b7c12b0f78/>). Такая реакция нетипична для Москвы на действия Вучича, поэтому в ближайшем будущем очевидно нарастание недопониманий между российским и сербским политическими руководствами. Особенно интересен факт публичного заявления А. Вучича в ходе саммита о готовности Белграда восстановить несколько городов Украины, при этом отказав подписать итоговую декларацию саммита, где содержатся пункты о введении санкций против России (Вучич ответил на обвинения в предательстве России из-за визита на Украину // Lenta.ru. – 2025. – 11 июня. – URL: <https://lenta.ru/news/2025/06/11/vuchich-otvetil-na-obvineniya-v-predatelstve-rossii-iz-za-vizita-na-ukrainu/>). На данном саммите президент Сербии одновременно продемонстрировал свои дипломатические подходы в современных условиях напряженности, а не по отдельности, как это было в октябрьском и майском случаях.

Примеры с действиями Вучича с декларацией в Дубровнике и с визитом в Москву являются красноречивым и взаимодополняющими примерами современной внешней политики Сербии как малой страны после 2022 года. С одной стороны, Вучич подписывает официальные международные документы вместе со странами НАТО и Украиной, где прямо осуждаются действия Москвы в период проведения СВО. При этом, как заявлял сам Вучич, сербский президент вносит в текст декларации свои коррективы в отношении санкций против Москвы. С другой стороны, А. Вучич демонстрирует приверженность поддержанию политического диалога с Москвой, что подтверждается его визитом в российскую столицу в символически значимую для России дату. Данный шаг был обоснован в рамках вопроса общей исторической памяти, которая выделяет совместный вклад советского и югославского народов в победу во Второй мировой войне. Его майский визит в Москву носил больше символический характер и, как показывают последствия, не принес реального ущерба в процесс евроинтеграции Белграда, несмотря на заявления европейских политиков.

Тем самым Белград показывает то, что он имеет свои возможности для внешнеполитического маневра в условиях геополитической нестабильности и противостояния великих держав. Таким образом на практике реализуются те теоретические основы исследователей малых стран касаясь их внешней политики в уязвимой позиции.

Также следует понимать, что у изменений внешней политики Сербии есть и внутреннее измерение. Так, отмечается факт инициированного нынешними властями страны переосмысления своей идентичности по отношению к соседям. Доктор философии Турнуа Лоран отмечает, что создание в центре сербской столицы – Белграде – нового делового центра “Белград на воде” является символической попыткой заменить доминирующий

среди множества местных жителей национализм и “навязчивый экспансионизм 1990-ых” идеями глобальной культуры. То есть этот проект является новой доминантой сербской столицы – воплощением идей неолиберализма (идей европейской интеграции, в частности). Они подразумевают помощь в налаживании экономических отношений с соседями, которые еще вчера были врагами для властей в Белграде. Кроме того, они покажут привлекательность неолиберализма для граждан Сербии и привлекательность Сербии для инвесторов, заключает автор [27]. Мы не можем с точностью констатировать подобные намерения у авторов этого проекта и властей Сербии. Однако с уверенностью можем сказать, что сейчас у Белграда в приоритете привлечь как можно больше иностранных инвесторов в преддверии и во время белградского EXPO-2027, которое является одним из глобальных событий в мире и впервые пройдет в юго-восточной Европе. Поэтому выбор одной из сторон в глобальном конфликте великих держав для такой страны как Сербия является невыгодным из-за высокой потребности в привлечении средств от разных иностранных партнеров.

Особое значение в контексте формирования внешнеполитического курса Сербии приобретает влияние Республики Сербской (РС) как составной части Боснии и Герцеговины (БиГ). Как подчеркивает доктор политических наук Е.Б. Энтина, внешнеполитические решения Белграда неизбежно корректируются с учетом интересов данного автономного образования [14]. Данная тенденция нашла свое отражение в ходе голосования на Генеральной Ассамблее ООН в 2024 году по резолюции, квалифицирующей события в Сребренице как акт геноцида, когда Сербия заняла позицию, совпадающую с официальной линией Республики Сербской. Кроме того, Белград запустили публичную кампанию в городах Сербии “Мы не геноцидный народ”, которую параллельно вели власти в Баня-Луке (Uoči glasanja o rezoluciji: Vlast nam poručuje da nismo genocidan narod, iako nas tako dokument ne zove // N1. 2024. URL: <https://n1info.rs/vesti/uoci-glasanja-o-rezoluciji-vlast-nas-ubedjuje-da-nismo-genocidan-narod-u-preambuli-pise-nesto-drugo/>). Подавляющее большинство стран ЕС выступили авторами резолюции и проголосовали за ее принятие. Вышеназванные действия руководства Республики Сербии и Республики Сербской противоречат общей внешней политики Евросоюза. Кейс с резолюцией по Сребренице демонстрирует влияние фактора РС на политику Белграда, который отличается от общеевропейского вектора. Во многом, это связано с фигурой президента автономии Милорада Додика, который определяет вектор политики этого региона в составе БиГ. Его риторика, по большей части, является антизападной (Додик рассказал о действиях Запада против православного мира // РИА Новости. 2025. URL: <https://ria.ru/20250621/dodik-2024489978.html>).

Результаты исследования.

Анализируя с разных сторон внешнюю политику Сербии в указанный период, она видится следующим образом:

Через призму социального конструктивизма, Сербия создает свою собственную политику малой нейтральной державы, основанной на желании недопущения повторения сценария краха власти Слободана Милошевича в 1990-е, а также из-за сакральности для властей в Белграде и жителей Сербии фактора Косово, которое не признано Сербией в полной мере независимым по сей день.

Через призму внешнеполитических факторов теории “малых стран”, Сербия, по Д. Вайтелу, являет собой смесь стратегии внешней политики отказа (Косовский фактор) и оборонительной через дипломатические каналы (кейс отношений Белграда с Баку и

рядом других государств, не признающих Косово). Таким образом, Белград стремится сохранить статус-кво в международных отношениях. Стремление Сербии к нейтралитету, по Бейкер-Фокс, обусловлено: защитой своего суверенитета и безопасности, избежание вовлечения в конфликты крупных держав и военных союзов; возможностью сохранять независимость и развивать экономику, а также развивать дипломатические отношения и выступать в роли посредника. По Вайтелу, Сербия реализует стратегию статус-кво, сохраняя разные дипломатические отказы в меру своих возможностей.

Через призму внутривнутриполитических факторов теории малых стран следует выделить идеологию Сербии на современном этапе. Согласно Веберу, ее нынешний выбор публичной идеологии государства связан с отказом Белграда от популярной идеи в 1990-е "Великой Сербии", подразумевающую экспансию соседей и четкий антизападный курс. Кроме того, по Бейкер-Фокс, дипломатические контакты нынешнего руководства Сербии как с Западом, так и Россией, демонстрируют способность налаживать отношения с двумя конфликтующими системами дипломатическим путем, который в корне противоречит политике Слободана Милошевича в 1990-е годы.

Согласно методу экстраполяции, по которому прогнозы составляются на основе данных из прошлого, Сербия не рискнет в полной мере занять недружественную позицию в отношении одной из сторон. В период Югославии, Белград смог представлять собой среднюю державу в регионе при двух составляющих: 1) наличие собственного видения международных процессов (движение неприсоединения); 2) налаживание контактов с двумя полюсами силами на неглубоком уровне, оставаясь на уровне партнеров, а не полноценных союзников. Занятие антизападной позиции Слободаном Милошевичем в 1990-е и нарушение того нейтралитета, которого придерживался Белград раньше, привело к окончательному краху власти в 2000-е годы. Наличие вышеуказанных границ для маневра, однако, не отменяет вступление Сербии в ЕС в недалеком будущем, но полностью исключает вхождение в состав блока НАТО. Однако, следует отметить, что невступление Белграда НАТО позволит Сербии взаимодействовать с Москвой из Евросоюза также, как это делает в настоящее время Венгрия.

Заключение.

Теоретические аспекты "малой страны", объясняющие политику Сербии на современном этапе, заключаются в ряде факторов:

- 1) Способность правящей элиты малых государств к стратегическому маневрированию во взаимодействии с великими державами, что непосредственно влияет на уровень их политического нейтралитета в условиях глобального противостояния;
- 2) Значимость политической культуры и целерационального поведения национальных политических акторов;
- 3) Проблема поддержания нейтралитета в условиях вооружённых конфликтов, когда великие державы предпринимают попытки вовлечения малых стран в орбиту своих интересов, а также тенденция к сохранению существующего баланса в международных отношениях.

Основными историческими событиями, формирующими контекст внешней политики Республики Сербии до 2022 года являются: вопрос Косово, который помогает Белграду выстраивать отношения как с Россией, так и Украиной; близкие исторические и экономические связи с Москвой; опыт политики балансирования Югославии в период Й. Тито в отношении великих держав; опыт существования Югославии – Сербии в условиях санкций в период С. Милошевича.

Внешняя политика на современном этапе характеризуется комплексом стратегий малой страны на международной арене, где основной целью является поддержание статус-кво для получения максимальных выгод путем привлечения большего количества инвестиций извне. В свою очередь, это накладывается на проблему внутреннего империализма, который сохраняет влияние в общественных настроениях. Кроме того, малое пространство для маневра во внешней политике Сербии сопровождается исторической травмой из-за поражения идеи "Великой Сербии" после действий евроатлантического альянса в 1999 году. Политику Белграда также определяет гармонизация внешнеполитического курса с более консервативной Республикой Сербской вместе с параллельной интеграцией в Евросоюз и попыткой создать в стране новый центр привлечения финансовых потоков.

Все вышеперечисленные аспекты позволили выявить ее ключевые детерминанты и стратегические ориентиры на современном этапе через призму социальных факторов и теории малых стран. Внешняя политика Сербии реализуется в парадигме малой нейтральной державы, что обусловлено, во-первых, императивом недопущения повторения изоляционизма 1990-х годов, а во-вторых, потребностью сохранения контроля над Косово как сакрализированным геополитическим пространством национальной идентичности. Поэтому Белград стремится к диверсификации международных связей, избегая жесткой привязки к одному из центров силы, что соответствует стратегии поддержания статус-кво малой страны. С этой точки зрения, Сербия также сочетает стратегию внешнеполитического отказа (в контексте проблемы провозглашения на территории Косово и Метохии независимого государства). Все это направлено на сохранение суверенитета и минимизацию вовлеченности в конфликты великих держав. Внутриполитический анализ указывает на отход от идеи «Великой Сербии» в пользу прагматичного курса, позволяющего балансировать между Западом и Россией, что представляет собой переосмысление идеологических установок внешней политики Югославии времен Й. Тито и С. Милошевича.

Положение Сербии в системе международных отношений заключается в сочетании статуса малой страны и элементов агрессивного национализма и реминисценции имперского прошлого. Это выражается в непреодоленной коллективной травмой после краха концепции "Великой Сербии". В частности, это проявляется в "войне памяти" вокруг резолюции ООН о Сребренице и в реакции националистических кругов на налаживании диалога между Белградом и Приштиной. Эти коллективные травмы усложняют стратегию Белграда в отношениях с великими державами в условиях их полярного видения международной арены. Это может обострить европейский трек дипломатии Белграда или ухудшить сербско-российские отношений, которые занимают значимое место в общественном дискурсе страны. В настоящее время сотрудничество между странами сохраняется главным образом в экономической сфере, тогда как политическое взаимодействие переживает стагнацию и постепенный спад. В такой логике Белград, как малая страна, может оказаться под давлением обстоятельств, изменив свою внешнеполитическую стратегию и сделать вынужденный, а не добровольный выбор в пользу одной из сторон.

Библиография

1. Анджелкович Т.Д. Герои поля боя: культ русских солдат во время сербско-турецких войн (1876-1878 гг.) в сербской визуальной культуре XIX века // *Baština*. 2023. Vol. 33. No. 60.
2. Бисерко С. Гегемонистские националистические матрицы прошлого и будущее Балкан

// Актуальные проблемы Европы. 2021. № 2. DOI: 10.31249/ape/2021.02.04. EDN: HBZZRV.

3. Болиев С.О. Репрезентация военного конфликта в Боснии и Герцеговине в 1990-ых годах на примере музеев в Сараево и Мостаре / С. О. Болиев // Зимняя конференция СНО: Исследования памяти в международных отношениях: Сборник статей IV Международной студенческой научной конференции, Санкт-Петербург, 02-04 декабря 2024 года. Санкт-Петербург: ООО "Скифия-принт", 2025. С. 449-460. EDN BPHDFW.

4. Ефременко Д., Растегаев Д. Факторы онтологической безопасности и их влияние на внешнюю политику Сербии и Турции // Современная Европа. 2024. № 6.

5. Колосков Е.А. Косовский миф в современной сербской и албанской историографии: этапы и основные тенденции // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. № 2(20). С. 152-168. DOI 10.21638/11701/spbu19.2016.210. EDN XMAUMH.

6. Лобанов М., Звезданович-Лобанова Е. Проблемы внешнеполитического самоопределения Сербии: через тернии к "звездам" Евросоюза // Сравнительная политика. 2016. № 4.

7. Младенович М. Сербия на новом геополитическом перекрестке и особенности выбора российского направления // Сербско-российский научный журнал. 2024. № 1-2. С. 55-60. DOI 10.18572/3034-3798-2024-1-2-55-60. EDN CVKYML.

8. Новикова И.Н. Малые страны в международных отношениях: некоторые теоретические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. № 3. DOI 10.21638/spbu06.2022.301. EDN ЕНМКUH.

9. Понамарева А.М. Мнемоническая дипломатия в российско-сербских отношениях: пределы возможного // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15, № 1. С. 93-132. DOI 10.48015/2076-7404-2023-15-1-93-132. EDN VHGTRE.

10. Растегаев Д.О. Косово и Метохия как "фронтир" Сербского мира: онтологическая безопасность и перспективы урегулирования косовского кризиса / Д. О. Растегаев // Патриотическое воспитание молодежи: проблемы истории и современности: Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ростов-на-Дону, 25-26 ноября 2022 года / Сост. А.И. Абрамова. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный медицинский университет, 2023. С. 281-284. EDN CLRTYA.

11. Растегаев Д.О. Историческая память в российско-сербских отношениях: Рабочая тетрадь РСМД № 87. Москва: Российский совет по международным делам, 2024. 32 с. ISBN 978-5-605-16426-5. EDN UYNYSM.

12. Филимонова А.И. Закрытие карабахского вопроса и пролог к завершению косовской проблемы осенью 2023 года: внешние и внутренние факторы // Высшее образование для XXI века: Высшая школа России в условиях глобальных вызовов, рисков, угроз: Доклады и материалы XIX Международной научной конференции, Москва, 23-24 ноября 2023 года. Москва: Московский гуманитарный университет, 2024. С. 557-571. EDN PAKPIZ.

13. Худoley К.К. Россия и Запад: вторая "холодная" или первая "прохладная"? // Россия в глобальной политике. 2020. № 6 (106). URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pervaya-prohladnaya/>.

14. Энтина Е. Сербская внешняя политика: вызовы и восприятие // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 2.

15. Aguis C. Transformed Beyond Recognition? The Politics of Post-Neutrality // Cooperation and Conflict. 2011. Vol. 46. No. 3. P. 370-395.

16. Baker Fox A. The Power of Small States: Diplomacy in the World War II. Chicago: Chicago University Press; 1959.

17. Bakić-Hayden M. Nesting Orientalisms: The Case of Former Yugoslavia // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54, No. 4. P. 917-931. URL: <https://www.jstor.org/stable/2501399>. EDN HKIDUV.
18. Dessler D. What's at Stake in the Agent-Structure Debate? // *International Organization*. 1989. Vol. 43. P. 441-473. EDN: HIHRWN.
19. Efremenko D.V. Skeletons in a Slavic Closet. Controversies of Historical Memory and Nation-Building in Serbia and Croatia after the Collapse of the SFRY. *Polis. Political Studies*. 2021. No. 5. P. 132 (In Russ.). DOI 10.17976/jpps/2021.05.09. EDN RBSREM.
20. Hanson S.E. "A Weberian Theory of Ideology." Chapter. In: *Post-Imperial Democracies: Ideology and Party Formation in Third Republic France, Weimar Germany, and Post-Soviet Russia*. Cambridge Studies in Comparative Politics. Cambridge: Cambridge; 2010. P. 29-56.
21. Katzenstein P. J., Keohane R. O. *Anti-Americanism in World Politics* / P. J. Katzenstein, R. O. Keohane. Ithaca: Cornell University Press, 2007. 336 p.
22. Keohane R.O., Nye J.S. *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston: Little, Brown, 1977.
23. Lampe J.R. *Yugoslavia as History: Twice There Was a Country*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 487 p. ISBN 0-521-77401-2.
24. Löden, H. Reaching a Vanishing Point? Reflection on the Future of neutrality Norms in Sweden and Finland // *Cooperation and Conflict*. 2012. Vol. 47, No. 2. P. 271-284.
25. McGlynn J. The alliance of victory: Russo-Serbian memory diplomacy / J. McGlynn, J. Đureinović // *Memory Studies*. 2023. Vol. 16. No. 2. P. 227-242. DOI 10.1177/17506980211073108. EDN GGQUD.
26. Stojanov T. Understanding spelling conflicts in Bosnian, Croatian, Montenegrin, and Serbian: Insights from speakers' attitudes and beliefs // *Lingua*. 2023. Vol. 296. DOI 10.1016/j.lingua.2023.103622. EDN OBIAQU.
27. Tournois L. Re-framing Serbian identity within a global imaginary: Nation building through the Belgrade Waterfront project // *Political Preferences*. 2023. № 30. P. 5-30. DOI 10.31261/polpre.2022.2.5-30. EDN TYNEEX.
28. Veković M., Đogatović V. Errando Discimus: Has Post-Yugoslav Political and Social Science Neglected Religion? // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2019. Vol. 58. No. 2. P. 437-455. DOI 10.1111/jssr.12589.
29. Vital D. *The Survival of Small States: Studies in Small Power/Great Power Conflict*. Oxford: Oxford University Press, 1971.
30. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая рукопись посвящена исследованию внешней политики Сербии в условиях продолжающейся конфронтации России и стран Запада. Выбранная тема представляется актуальной, поскольку 1) роль малых и средних государств долгое время оставалась на периферии международных исследований, отдававших предпочтение изучению политики великих держав 2) современное противостояние России и Запада оказывает огромное влияние на поведение малых стран, зачастую ставя их перед трудным выбором такого политического курса, который позволил бы защитить национальные интересы и минимизировать риски вовлечения в набирающую обороты конфронтацию. Вместе с тем, статья страдает рядом серьёзных недостатков, первый из которых касается методологии. Так, само название рукописи – «Влияние

фактора малой страны и исторических травм на внешнюю политику государства на примере Сербии в контексте противостояния России и Запада» предполагает, что автор стремится прийти к неким обобщениям, касающимся политики малых стран в условиях противостояния великих держав. При этом исследование сербского кейса должно лечь в основу этих обобщений. Однако, на деле автор не рассматривает политику каких-либо малых государств, кроме Сербии. Как следствие, ни к каким обобщениям автор не приходит. Поэтому, на мой взгляд, название статьи следует переформулировать – напр., - «Влияние положения малой страны и исторических травм на внешнюю политику Сербии в контексте противостояния России и Запада». Далее, после перечисления ряда методов, предположительно использованных в ходе исследования, автор утверждает, что опирается на теоретические предпосылки социального конструктивизма и неореализма. Проблема в том, что эти подходы основаны на ПРИНЦИПИАЛЬНЫХ различных предпосылках, что делает невозможным их использование в рамках одного исследования. В то время как неореализм исходит из тезиса об «объективности» мира международной политики («анархия», «национальный интерес») и примата материальных факторов (военная мощь, баланс сил), то конструктивизм выдвигает тезисы о «субъективности» («анархия» как политическая культура) и «интер-субъективности» (напр., «суверенитет» как результат согласия, основанного на разделяемых смыслах) международных отношений, а также придает ключевое значение социальным факторам. Кроме того, автор не дает ни одной сноски на работы конструктивистов (а также неореалистов), излагая, по всей видимости, свое собственное понимание этих подходов. Также сомнение вызывает определение «республики Сербия» как объекта исследования. Скорее, объектом данного исследования является «внешняя политика республики Сербия». Еще большую путаницу вносит предложенное автором обоснование научной новизны – «анализ внутриполитических факторов Республики Сербия в контексте ее внешнеполитической стратегии в период с 2022 года...». Акцент на влиянии внутриполитических факторов на внешнюю политику – характерная черта неолиберального подхода к МО, о котором автор даже не упоминает. Положение "малой страны" - это системный фактор, а не внутриполитический. Анализ внешней политики Сербии «сквозь призму теории малых стран» сам по себе не может представлять элемент научной новизны, так как последняя относится к РЕЗУЛЬТАТАМ исследования, а не к методам достижения этих результатов. Со стилистической точки зрения, рукопись также не лишена недостатков – в тексте много чрезмерно длинных предложений, перегруженных оборотами и запятыми. В некоторых случаях создается впечатление, что пропущены отдельные слова. Попадают странные выражения, такие как «конфликтующие системы международных отношений» и «гнездящийся ориентализм» (как и где может «гнездиться» ориентализм?!). Если это перевод словосочетания "nested orientalism", то неудачный. Уж лучше – «укорененный ориентализм». В рукописи есть фрагмент (абзац, начинающийся со слов «в контексте Сербии...»), в котором автор упоминает подходы Бейкер-Фокс, Вебера и Вайтла, но не дает ссылок. Среди прочих академических работ, заслуживающих упоминания в статье, можно назвать следующие – 1) Энтина Е. Сербская внешняя политика: вызовы и восприятие // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 2; 2) Лобанов М., Звезданович-Лобанова Е. Проблемы внешнеполитического самоопределения Сербии: через тернии к «звездам» Евросоюза // Сравнительная политика. 2016. №4; 3) Бисерко С. Гегемонистские националистическое матрицы прошлого и будущее Балкан // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 2; 4) Ефременко Д., Растегаев Д. Факторы онтологической безопасности и их влияние на внешнюю политику Сербии и Турции // Современная Европа. 2024. № 6. Выводы автора, по сути, сводятся к тому, что Сербия как «малая страна» стремится сохранить нейтралитет и относительную независимость в условиях противостояния великих

держав. Однако, это можно сказать о политике любой малой страны, ничего нового в этом нет, как и в тезисе о том, что Сербия будет стремиться вступить в ЕС, воздерживаясь от присоединения к НАТО. Поэтому в заключении следует сделать акцент на новизне полученных автором результатов, что заметно повысит интерес аудитории журнала к данной статье.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой работе выступают способы выстраивания внешней политики Сербии как малого государства в условиях противостояния великих держав (России и Запада) с 2022 г.

Методология исследования базируется на конструктивистской теории международных отношений, рассмотрении международной системы как социально сконструированной через взаимодействие акторов, их идентичности и норм. В работе использованы следующие методы: контент-анализ (количественный и качественный), интертекстуальный анализ, ивент-анализ, метод экстраполяции и метод анализа решений (децизионный метод).

Актуальность работы авторы связывают с необходимостью понимания направлений внешней политики небольших по размерам стран, которые не занимают однозначной позиции по отношению к более крупным игрокам в условиях продолжающейся конфронтации на международной арене между Россией и Западом.

Структурно в тексте выделены разделы, озаглавленные следующим образом: Теоретические аспекты изучения малых стран в контексте великих держав, Исторический и мнемонический контекст внешней политики Сербии, Выстраивание внешней политики Сербии в отношении великих держав в контексте украинского кризиса и противостояния Москвы с Западом, Результаты исследования, Заключение и Библиография.

Заявленная авторами научная новизна исследования заключается «в определении системообразующих детерминант сербской внешней политики через исследование решений президента А. Вучича в 2024-2025 гг. в контексте отношений с Москвой и западными странами, учитывая роль исторической памяти и социокультурных конструктов республики».

В статье рассмотрены теоретические аспекты «малой страны» применительно к Сербии; выявлены факторы, формировавшие внешнюю политику Сербии до 2022 г.; проанализирован внешнеполитический курс Белграда в период новой волны украинского кризиса (с 2022 года по настоящее время); сформулированы возможные внешнеполитические решения руководства Сербии в отношении украинского кризиса. Отмечено, что малые страны в международных отношениях занимают подчинённое положение, балансируя между интересами великих держав, одну из ключевых ролей играет их внутренняя идеология, которая строится на их историческом опыте и культурных ценностях, в том числе и на этом базируется их внешняя политика. В Заключении представлены факторы, объясняющие политику Сербии на современном этапе.

Библиографический список включает 30 источников – научные публикации отечественных и зарубежных авторов на русском и иностранных языках по рассматриваемой теме. На источники, приведенные в разделе «Библиография» по тексту приводятся адресные отсылки, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Из недостатков публикации стоит отметить, что начальная часть публикации почему-то не озаглавлена.

Рецензируемый материал соответствует направлению журнала «Мировая политика», отражает результаты проведенного авторами исследования, может вызвать интерес у читателей, материал рекомендуется к опубликованию.